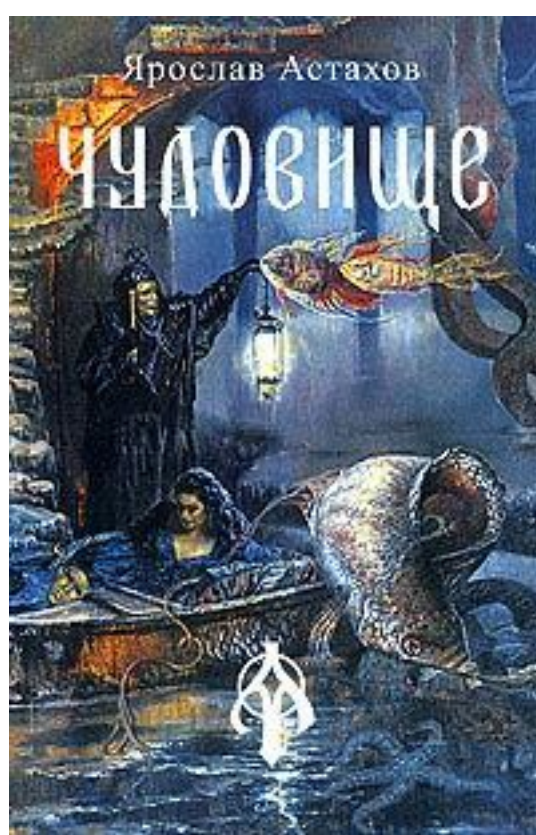

Ярослав Астахов

ЧУДОВИЩЕ

Ярослав Астахов
Чудовище (сборник)

«Автор»
1992-2007

Астахов Я.

Чудовище (сборник) / Я. Астахов — «Автор», 1992-2007

Книга Ярослава Астахова «Чудовище» – о реальной мистике. То есть не о выдумках и фантазиях. Нет: она о той Тайне, которая присутствует в жизни каждого из нас. О Сокровенном Души, которое определяет Явные Обстоятельства нашей жизни. О том, что Осознание этого может изменить нашу жизнь. То есть, Астахов развивает идеи, выраженные им в книгах «Лезвие Осознания» (повести и рассказы) и «Крушение Лабиринта» (роман). Невидимое становится зримым на страницах книги «Чудовище». Человек, спустившийся в подвал дома, вдруг попадает в безвыходный лабиринт ужасов, таившихся в подвалах его души...

Отдавшийся течению порока не замечает, как в темной комнате его квартиры растет, подобно ядовитому грибу, смертоносный демон... Но если человек открывает Веру в своей душе – любое зло расточается. Отправившийся в полное опасностей странствие – настигает Учителя.... Обретший Полноту Веры – противостоит козням жесточайшего из тиранов и побеждает...

Читайте книгу Астахова и пусть тайна невидимого мира станет открыта Вам!Содержание:1. Темная комната2. Подвальный3. Начало опыта4. Месть изгоняющему5. Чудовище6. Чудо о змие7. Встреча в ареопаге

© Астахов Я., 1992-2007

© Автор, 1992-2007

Содержание

Темная комната	5
Подвальныйник	14
Начало опыта	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ярослав Астахов

Чудовище

повести и рассказы

Темная комната

*Человек это единственное животное,
которое привыкает и к тому,
что не может привыкнуть.*

Хулио Кортасар

1

Бывший хозяин квартиры весьма гордился, что она в обителище его есть. Хотя чего такого особенного в наличии *темной комнаты*? Возможно, он просто не имел иного предмета для гордости, показывая квартиру Косте, потенциальному покупателю.

Жилище было маленьким однокомнатным (не считая упомянутой *темной*). Располагалось на первом этаже, в нем были низкие потолки, сантехника, убитая безнадежно.

Ржавые трубы не особенно волновали Костю. Ведь он был не сибарит – напротив, он был *исследователь*.

А вот потолок стал для Кости, со временем, источником серьезного беспокойства... Что там – потолок был *опасен*.

С отваливающейся кое-где штукатуркой, в причудливых желтых пятнах, какие оставляла вода, когда она проливалась, по небрежности верхних соседей, в разные, далеко отстоящие друг от друга эпохи... Костя был убежден: этот потолок, однажды, его *раздавит*.

Потому что потолок умел опускаться. И Костя это видел собственными глазами, вполне отчетливо. И видел не один раз.

Происходило это всегда в моменты, когда исследователь отдыхал, улегшись без движения на спине – вытянувшись на раскладушке, которую никогда не складывал. Чуть вздрогнув, потолок начинал движение вниз. Сначала весьма замедленное... затем быстрее, еще быстрее...

В такие мгновенья Костя хотел бежать. К примеру – соскользнуть с раскладушки и выбросится в окно. Однако с ужасом убеждался, что он не может и шевельнуться... затем он терял сознание.

Когда оно к нему возвращалось, все в комнате обнаруживалось как прежде. Все было по местам и подозрительно чинно... Да Костя был не простак! У него не было высшего образования, не мог он похвалиться и завершенным средним, но не таков он был, чтобы обмануться дешевой уловкой комнаты – соблазниться пристойной маской: решить, будто случившееся лишь *померещилось*.

Нет, Костя хорошо знал: это *было*.

И оно *повторится*.

Конечно же, о поведении потолка Костя никому не рассказывал. Даже матери. Хотя *она* могла бы понять, в отличие от иных многих. Ведь мама Кости... словом, и она тоже видела, по временам, *скрытое*. Хотя и далеко не так ясно, как ее сын. И разве только урывками, незна-

чай, краем глаза. Но все-таки она *видела*, и потому Косте было интересно общество матери, несмотря на разницу в возрасте и почти полное отсутствие общих тем.

Наличие опасности

(потолок)

тяготило Костю, но не особенно. Он подходил философски. Ведь от подобного не уйти: за любой квартирой, где бы и какой ни была, имеются грешки в этом роде. Всякое жилище есть *хищник*... естественно, *ограниченные люди* это не замечают. Потому что не *видят*. А если ты увидишь и скажешь им, желая предостеречь, – то они не верят, они смеются. Хотя могли бы иногда и задуматься: ведь нет-нет, а промелькивает в печати сообщение типа «обнаружен убитым в запертой *изнутри* комнате».

Возможно, кое-кто и задумывается...

и делается бомжом.

Когда-нибудь, думал Костя, потолок *достанет* его. И кто-то обнаружит «веселенькую» картинку; следователи начнут гадать: и с чего бы – весь потолок залит кровью, а стены от нее, гляди, почти чистые?

Но только это не повод менять квартиру или вообще отказываться от крыши над головой, считал Костя. На новом месте может поджидать что похуже... да и вообще по сути никакой разницы! Ведь так или иначе *видящий* не живет долго, и это известно всем: средняя продолжительность жизни исследователя гораздо меньше, чем у людей ограниченных.

Течение философской меланхолии прервал звонок в дверь. Защелкал мелким соловушкой... Костя б убил звонок! Он видел образ его души: жестяная птичка, заклепанная и размазанная. Она закидывает головку и булькает, а под хвостом ее медленно поворачивается блестящий ключик.

Приличные люди вообще приходят не через дверь, учил Костя. И афоризм этот был результат обобщенья большого опыта. Но Костя признавал исключения из этого правила: например, мама. Она использовала всегда дверь, и тем не менее считать ее неприличной не было оснований. Или вот хотя бы жена (законная или нет – Костя уже не помнил). Анечка появлялась, в большинстве случаев, именно через дверной проем, но уж ее-то никак было нельзя причесть к плохим людям!

Впрочем, в последнее время на этот счет у Кости возникали сомнения.

(Сука!)

Соловушка пел всюю...

Необходимо было срочно встать и совершать вошедшие в канон действия. А этого – вставать и совершать действия – Костя *терпеть не мог!* Однако заставлял себя делать. И очень гордился тем, что у него, в отличие от абсолютного большинства исследователей, твердая воля. Он помнил канон по пунктам, хоть разбуди ночью.

Первое. Смахнуть со стола все на пол. И, смахивая, Костя уколол руку, сильно, об иглу шприца. И глухо выругался. Сам виноват, конечно, смотреть бы надо, что делаешь, да некогда тут смотреть!

Второе. Комнату obeжать взглядом. Нет ли еще чего где из *горячихпредметов*? Ага, на подоконнике столовая ложка, железная, почернела вся... для понимающего достаточно – тоже на пол!

А соловей рассыпается... Ах ты соловей, соловей-разбойник! Приходится петь и Косте, а именно – прокричать надрывно в ответ: «Открываю! сейчас иду!»

Третье, наконец. Госпожа ты матушка моя *темная комната*... Пошире отворить в нее дверь, и веничком, заранее припасенным, с полу все в нее замести.

(замести следы)

Чего проще!

Вот именно. Все проще простого. Но... С некоторого времени Костя стал... *побаиваться* своей темной комнаты.

И даже до предательской дрожи в пальцах!

И вроде даже как посильнее, чем потолка.

А началось это с примечательного одного случая. Отщелкнул тогда исследователь шпингалет – и веник выпал из рук. В темной... в затхлом пространстве, где только застоявшийся мрак, и больше не было никогда ничего, а только что-то подчас шуршало... там, посреди всевозможного мелкого мусора, копившегося годами

(столетиями?)

сидел ЭТОТ.

Иначе не назовешь.

Потому что и не понятно даже, кто или что.

Какой-то неясный зверь, или невероятно уродливый – порченный – человеческий младенец? *Мумия* ли младенца? А может и вообще – предмет, который никогда и не был живым? Попробуй в темноте различи! Но одно-то Костя знал точно: Этот, которого он там увидел... он на Костю *смотрел*. Недвижный. И как будто соткан весь из тусклого блеска. Едва намеченный...

Костя отшатнулся тогда и моментально захлопнул дверь. И застегнул шпингалет – кажется, и не соображая даже, что делает. Так пальцы сами собой отдергиваются от раскаленной сковороды.

Потом он попытался успокоить себя. Ничего! Наверное, Этот из *транзитных гостей* – из тех, которые появятся один раз, а потом поминай как звали.

Вот было же ведь однажды... Отправился для чего-то на кухню, включает свет – все узенькое пространство между плитой и буфетом занимает *петушиная голова*, огромная... Горячий ветер из ее клюва... такой, что от него шевелятся волосы. И дернулась эта голова от яркого света; и гребнем, вялым, иссиня-красным – мазнула по закопченному потолку. А Костя весь вжался в стену, глаза зажмурил... Потом открыл – ничего. И только белеют полосы, какие гребень этот чудовищный в копоти потолка оставил... Так вот, ведь больше не приходил петух! Никогда. А значит не до Кости он был, а так – гость транзитный.

Да, уговаривал тогда себя Константин, уговаривал – а все-таки не удалось ему обрести покой. Потому что *чутье* у него имелось: угадывал, какие из пришельцев больше никогда не придут, а какие останутся, обживутся. И подсказало ему тогда сразу же *чутье* это: нет! Этот не из транзитных... И так и вышло!

С тех пор – как только ни откроет Костя дверь в темную, сразу видит: в глубине сидит Этот. И смотрит на него, неподвижный...

Эх, досками б ее позабить, комнату! Неструганными... крест-накрест!!

Да ведь *горячий* – то мусор, ничего не поделаешь, прятать надо! И прятать оперативно. И темная – единственное к тому средство.

И постепенно Костя привык. Старался замечать быстро, не взглядывая в глаза Этому. А только замечал краем глаза, что Этот, кажется, понемногу растет

(растение?)

неподвижный...

Не может быть, – скажут некоторые. Чтобы к *такому* – то – да *привыкнуть*?

Но некто мудрый сказал, а Костя это высказывание слышал от какого-то умника: человек – единственное животное, которое *привыкает и к тому, что оно НЕ МОЖЕТ ПРИВЫКНУТЬ*. (А что же – ведь жить-то надо!)

Итак... Шпингалет – дверь – глаза строго в пол. И веником быстро-быстро... Вот так. Дверь, шпингалет и – уфф!.. все. Теперь не грех и открыть. «Иду! Да иду я, на...» Соловушка...

Как выяснилось, на этот раз ритуальных действий можно было не совершать. Навестили свои. Пришел Жора, давняя Костина любовь... и Костина ненависть. До *настоящей жизни* Костя только читал в романах про «любовь-ненависть». И не верил. Как и большинство думающих людей, впрочем. Конечно, противоположности и взаимопроникают, не только борются. Но ведь не *предельные* же. Ведь все-таки Бог – не дьявол. И, может быть, человечеству стоит все же признаться в том, что ежели любовь может обернуться ненавистью, то она – не любовь. Сказывают, вот, что оборотень может перекинуться волком. Но ведь про оборотня и не говорят, что он человек. В какой бы фазе он ни был. Чего же ради тогда мы называем страсти – любовью?

Но это были доводы *разума*.

А если боги делают человека *видящим*, то они отнимают разум. Так – или что-то наподобие этого – говорили древние.

По крайней мере Костя точно испытывал к Жоре, что называется, *противоречивое чувство*. И половину этого чувства с ним разделяла Анечка, не трудно догадаться – какую. По поводу оставшейся половины Анна и Константин очень резко расходились во мнениях, и они ссорились. И это стало их обычным занятием, и так длилось, покуда Анечка не ушла от Кости. Произнеся на прощание классическое: «или я, или это».

Жора прошагал прямо в комнату, оттеснив плечом Костю. Затем уселся за стол и подоспевший Костя увидел, как заходила над столешницей широкая кожаная спина – Жора доставал из карманов *сокровище* и раскладывал, чтобы хорошо было видно, такой у него был почерк.

– Ну чо, Косяк, – не оборачиваясь, обронил он. – Братъ будешь?

Да, Жора был человек постоянный в своих повадках и репликах.

Взгляд Кости приковало к столешнице, а на его губах расцветала улыбка, вздрагивающая... И через его сознание шли какие-то словно бы волны света, и тоненько зазвенело во внутренней пустоте: *хватит? или НЕ ХВАТИТ??*

Трясущимися руками Константин извлек тут же из-под матраса деньги. *Все* деньги – и не хватило. По крайней мере, так решил Жора, однако смиростивился, брезгливо сморщившись:

– Ладно уж, все твое!

– Давай, – сказал он затем, вставая и запихивая в карман мятые купюры.

– Но, – толстый короткий палец уперся прямо в грудь Косте, – но ты мне должен!

Быть должником у Жоры Константину было привычно. Возможно, это *судьба*, говорил он себе; ведь Костя продал хорошую квартиру и купил эту, и все равно его долги все росли. Но Жора приносил *настоящее*, не кидал, в отличие от иных некоторых. И соответственно мысль о Жоре представляла в сознании Константина две контрастные фазы: «чтобы он сдох!» и «когда, когда же наконец я снова его увижу?!»

2

Костя не поленился и после ухода Жоры *тщательно запер дверь*. Он тоже сделал это *канон*ом после нескольких казусов. Конечно, поведение Жоры оставило у Константина неприятный осадок. Но Костя подходил и тут философски. Во-первых это было в природе вещей – чего еще ждать от Жоры? А во-вторых исследователю было хорошо известно из опыта: он скоро растворится, осадок. Исчезнет без следа и будет все хорошо.

...И чаяние не обмануло: мир начал меняться к лучшему почти сразу. И проявилось это хотя бы в том, что Косте вдруг нанес визит Буба, старый приятель.

Конечно, он-то не позвонил в звонок и не топал через прихожую. Он просто вдруг *оказался рядом*: сидящим за столом перед Костей.

И широко ухмыльнулся, встретивши его взгляд. Не обидно, а словно бы говоря: «ну! а ты как думал? я – тут!»

– Вина у тебя нет? – немедленно спросил Костя, потому что с друзьями можно без предисловий.

– Ты офигел? – радостно рассмеялся Буба. – Вино ж у нас только Белый припереть может.

– Белый? А... точно! И где же он?

– Хрен знает, – отвечал Буба.

– А то не видишь, – прозвучал новый знакомый голос прямо над ухом Кости. И Костя ощутил руку Белого на своем плече.

– Ты вообще, Буба, недалновиден, – с грустью продолжил Белый. – Здоров, а не дальновиден, и *это тебя погубит...*

– Тебя-то уж переживу, хлюпик е...й! – заорал Буба, наклонив лоб.

– Друзья! Я вас умоляю... – вскидывая ладони, произнес Костя.

Он радовался, что они снова вместе. Он улыбнулся поочередно одному и другому. И встал, и положил им руки на плечи. Костя любил друзей и меньше всего хотел, чтобы они ссорились.

Буба и Белый отвечали ему взаимностью. Они и против друг друга ничего особенно не имели, а только не сходились характерами. Друзья поддерживали Костин порыв и тоже постарались встать так, чтобы положить руки на плечи Косте и одновременно друг другу.

Но кто-то не рассчитал движения и все повалились на пол, увлекая с собой и стол. Однако вроде бы никто не ушибся и вообще не претерпел какого-либо ущерба. Напротив, это падение всех чрезвычайно развеселило и как-то сблизило. Они лежали на полу и смеялись. От хохота звенели стекла в окне. Сосед инвалид стучал в стену. Им было радостно оттого, что им хорошо друг с другом. И Косте почему-то казалось очень смешным, что свет, идущий через грязные стекла никогда не открывавшегося окна, бьет им прямо в лицо.

...Потом они сидели втроем на кухне, и было совсем не тесно, хотя пространство такое узкое. И Белый угощал их вином – каким-то дорогим, очень крепким. Настолько крепким, что приходилось даже его разбавлять водой.

И Костя все хвалил Белого: старик, вино – класс!.. где только берешь такое?

А Буба опять ворчал, но вроде бы добродушно: да ни фиги! пусть лучше бы приносил дешевого, но побольше.

А Белый говорил что-то о бездарности Бубы, не заводясь, по-хорошему. Но Костя не особенно следил смысл. Ему было просто приятно слушать в оцепенении голоса друзей, и как сливаются они со звоном струи, что текла из крана – кто-то забыл закрыть, а теперь вставать лень, пусть его...

Все было так хорошо! Все было просто чудесно. Только... вино, которое принес Белый, понемногу заканчивалось. И вот наконец иссякло. И это было уже несколько неприятно. И, как всегда, это совпало с тем, что неприятен стал разговор, который они вели.

– А ведь она права, Костя, – говорил Белый. – Бедная девочка!.. Права, что она от тебя ушла! Ты подумай, сколько же она с тобой натерпелась!

И Костя думал.

И вот, ему становилось жаль Анечку. И даже ведь и до слез – Костя ощутил, что по его щекам текут слезы.

А Белого он в этот миг ненавидел: берeditь рану!..

– Да ты чего, Костя? – утешал Буба, простой, душевный. – Она же бросила тебя в трудную минуту... с-сука! Да плюнь ты на нее, все они...

– Но я ведь, понимаешь... Белый говорит... – вяло возражал Костя.

– А ты и на него плюнь! Он гад. Твой друг – тебя же и обвиняет, а?! Да я его насквозь вижу! Да его убить мало!! – все более заводился Буба.

Внезапно Костя почувствовал, что его тошнит. В прямом, как и в переносном смысле этого слова. Все *было* так хорошо! – думал Костя. – И вот, как почему-то это у них всегда, дружеская встреча оканчивается заурядной склокой...

Но он ошибся.

– Да я его и *убью!!!* – ревел Буба. – Ты только посмотри, он руки еще протягивает! На вот тебе! И еще на – в мор...

Речь Бубы оборвалась, внезапно. И в наступившей тишине Костя услышал булькающий противный звук. Он лицемерно покосился на раковину, хотя ведь уже все понял. Но прятаться от себя не имело смысла. Белый сползал по стене, хрипя и разбрызгивая вокруг кровь. И Костя успел заметить, что горло его разорвано.

Затем он перевел взгляд на Бубу. Тот был растерян и протягивал ему навстречу сжатую в здоровенном кулаке железную столовую ложку, замаранную в крови, как будто в каплях борща.

– Да как же это я... – лепетал Буба. – как же это я... *ложкой*– то?

– Суки!!! Пошли вы все...!!! – вдруг заорал Костя, хватая стакан и швыряя его о стену.

Он выбежал из кухни и упал на кровать, рыдая, лицом в подушку.

...Когда он осторожно вновь заглянул на кухню, там никого уже не было. Ни Бубы, ни трупа Белого. Костя налил себе воды из-под крана и наконец закрыл вентиль непослушной вздрагивающей рукой.

А все-таки Буба – друг, – внезапно с чувством подумал Костя. – Ушел, и труп с собою унес, меня не подставил. Старый мой верный Буба...

И тут внезапно у него похолодело внутри.

Костя услышал звук, достигший в кухню из комнаты.

Негромкий металлический лязг.

И почему-то Костя сразу же понял, что это лязгает шпингалет на двери в темную комнату. Как если бы пытались открыть ее изнутри...

Костя замер. К его великому облегчению звук больше не повторился.

Мерещится, – уговаривал себя Костя. – И это не удивительно: ведь только что на моих глазах случилось убийство... нервы же на пределе!

И Костя принялся большими глотками пить воду и его зубы стучали о железную кружку.

...А завтра вновь спел соловушка. На этот раз Костю навестила мама. И Костя маме был рад, и весьма печалился, что он не может ей предложить никакого угощения, даже чаю. Но мама давно привыкла.

– Да не убивайся ты так, что Анька ушла, – говорила мама. – Ну нету ее и нет, другую себе найдешь. Да ведь и не понимала она тебя, Костенька. Не ценила, какой ты добрый. Она...

– Она сука! – вдруг прозвучало из темной комнаты.

Костю прошил озноб.

И он сидел, сжавшись, и думал, уже не веря, а словно бы за щепку хватаясь у самой пасти водоворота: нет! *показалось!* ведь сколько я накручивал себя страхами, все время ждал чего-то подобного, ну и вот...

Но мама Кости безошибочно обернулась в направлении темной комнаты, как только прозвучал голос.

Потом опять обратила побелевшее лицо к сыну, медленно. И Константин увидел, насколько она испугана: какое-то время у нее даже руки перестали дрожать!

– Костенька, это... *ты* ведь сейчас сказал? – лепетала мама.

Она реагировала точно также, как ее сын. Тоже пыталась сейчас себя обмануть. Наверное, это было у них наследственное. Ведь мама знала, что Костя бы никогда не сказал так об Анечке... хотя, может быть, иногда о ней так и думал.

– Д-да, мама, – отвечал Костя. – Конечно... я, а кому же тут еще говорить?

И неуверенно улыбнулся. Ведь правда все равно бы никому сейчас ничего не дала. И, к тому же, Костя очень давно привык обманывать свою маму.

– А я пожалуй пойду, – вдруг произнесла мама, косясь на дверь темной комнаты. – А то бутылочки-то все подметут. Да и контейнеры вывезут... Теперь ведь регулярно... не то, что раньше. Замешкаешься чуть и...

Она продолжала и еще что-то бормотать, пробираясь боком. Бросая настороженные взгляды Косте через плечо. И только уже в дверях, на пороге, выдохнула все же свое заветное, безнадежное, повторяющееся постоянно:

– Костенька... а может быть у тебя... есть немножко... поправиться мне, совсем чуточку?

Но Константин помотал в ответ головой и улыбнулся печально. И в этот раз передаваемая им информация в точности соответствовала действительности. И даже Костя вдруг вспомнил из далеких времен, когда еще имел аудиоаппаратуру и что-то слушал: «И там и сям есть шаманы, мама, – я тоже шаман, но другой».

3

Костя пробудился внезапно и понял, что уже глубокая ночь. Он совершенно не мог припомнить, что делал после того, как проводил мать. Однако сейчас его занимало совсем другое.

Костя лежал на спине и смотрел широко раскрытыми глазами на потолок... и с удивлением обнаружил, что потолок его совсем не пугает. И даже Костя подумал: а это было бы хорошо – при нынешнем-то раскладе – чтобы потолок сейчас начал опускаться. И чтобы уж не случилось, как в прошлые разы, когда такое бывало с потолком, чудесного избавления. Нет, пусть эта едущая вниз крыша снизойдет до конца и превратит Костю в месиво. Он видел очень много плохого за свою короткую жизнь. Однако вот сейчас он предчувствовал: с ним скоро случится нечто по-настоящему жуткое... такое, по сравнению с чем поблекнут все злоключения его прошлого. И движущийся потолок милосердно мог бы от этого – подступающего – его избавить.

Но потолок оставался неумолим, недвижим.

И Костя стал тогда думать о другом. А сколько ведь это было *вещества* за все истекшее время! Срезанные верхушки пластиковых бутылок (удобное простое приспособление – инструмент пройденного давно этапа), окурочки косяков, ампулы и облатки капсул... к тому же и всевозможные пыль и пепел... уже и не говоря про иглы и про использованные одноразовые... Отходы производства Костя поспешно заметал в комнату как только этого требовали обстоятельства. Но ведь никогда он не *выносил* ничего оттуда. Она должна была уже давным-давно переполниться, темная его комната! Да что там – не хватило б и нескольких таких! И почему же он не задумывался об этом раньше: куда же все оно пропадало?

Как *видящему*, Косте случалось *видеть* и трансформацию предметов. Он очень хорошо знал: такое случается, хотя *ограниченные люди* и не подозревают об этом. Бывает и вот такая трансформация: легионы мелочей отдают распыленную свою силу и распадаются в прах, а сила эта формирует нечто *одно* – иное...

И Костя спросил себя: так из чего он вырос, из чего он сложился... Этот? Из пустоты и тьмы, которые в игольных каналах? Из тонкого слюдяного блеска разбитых ампул? Из микроскопических следовых остатков тысяч кислот, сошедшихся во одно? Из Костиного же стыдливого страха-ненависти ко всем, от кого приходится прятаться? Или из...

Тут мысли Кости прервались.

В глубокой тишине комнаты отчетливо раздавалось тихое лязганье.

Тот звук, который заставил Костю похолодеть еще там, на кухне. Теперь он к тому же видел, как она вздрагивает, дверь темной комнаты. И невозможны были уже никакие самооб-

маны: то, что выросло там, внутри, неотвратимо проступало теперь наружу и звякал шпингалет о скобу.

Сейчас он высадит дверь, – подумал Костя как-то уже бесцветно и безнадежно.

И в ту же секунду дверь поддалась удару и распахнулась, и бухнула ручкой в стену.

И Этот вышел.

Он представлял собой словно бы неподвижный рой мелких и стальных блесков. Он был прозрачен, и тем не менее никаким образом не возникало сомнений в его реальности.

Костя видел, как Этот медленно поворачивает голову, осматриваясь... взгляд Этого схватил Костю и более уже не отпускал ни на миг.

Двигаясь очень медленно, Этот переместился так, чтобы оказаться между Костей и выходом из комнаты. И пошел на Костю.

– Буба! – закричал Костя. – Помоги! Меня убивают!

И сразу же застучал в стенку этот идиот сосед инвалид.

И Буба появился из воздуха. И отпрянул, взглянув на Этого. Но после все-таки неуверенно встал между ним и Костей и произнес, обращаясь к Этому:

– Ну ты... чего?.. чего?!

Но Этот продолжал приближаться, как будто вовсе не видя Бубу.

Так неужели он *ограниченный*? – вдруг совершенно некстати и очень глупо подумал об Этом Костя.

Буба осторожно протянул руку, чтобы оттолкнуть Этого, и Этот молниеносно перехватил ее за запястье.

А дальше произошло неожиданное. Вдруг Буба начал весь как-то словно бы *выцветать*. Потом через него стали сквозить обоим стены, он делался все более прозрачным с каждой секундой. А Этот наоборот переставал быть прозрачным и наливался все более внутри пространства между стальными блестками серым... черным, какое разбухает и расправляется в сумерках по углам... и, наконец, – бездонной антрацитовый тьмой.

Буба канул.

Левая рука Этого, которая только что удерживала запястье Бубы, протягивалась теперь к лицу Кости.

Костя оцепенел и замер. Он был не в состоянии шевельнуться. Он чувствовал, что его будто бы

(нет! нет! нет! – не «будто бы» а *на самом деле!!!*)

уносит, все быстрее закручивая в какую-то бесконечную воронку.

Костя терял сознание.

И в этом для него бы не было ничего особенно нового, если бы... если бы одновременно с сознанием Константин не терял – в этот раз – и *душу*.

...Костя посмотрел в треснутое засиженное мухами зеркало и не узнал себя.

Что было не удивительно, потому что это и *не был* он. На самом деле это был Этот. Он только маскировался Костей для своих целей.

Зрачки того, который смотрел из зеркала, были предельно сужены и совершенно пусты, и наполнились кружащей тьмой, и точно таким же пустым и черным было его сознание.

Там не было никаких мыслей, за исключением стерильно-функциональных. Сознание само себе задавало насущные практические вопросы и выдавало на них немедленно четкие, исчерпывающие ответы.

– Зарезать Жору?

– Нет. Ерунда. Он много с собой не носит. У него такой почерк. Хватит на один раз. Ну на два. А потом?

– Может быть, тогда маму? Она легко к себе пустит.

– Нет смысла. Ведь она же все пропила.

– Тогда остается Анечка. Живет одна. Легко пустит. У нее обручальное кольцо и еще кое-какое золото. И видак. И шмотки.

– Вот это правильно. Вымой рожу. Что-нибудь приличное на себя надень. И вперед.

Март 2003

Подвальник

– Ты сам боишься! – сказал Чистякову сын, отказываясь идти в подвал.

Конечно, Чистяков не боялся. Не верил в идиотские байки про пауков-людоедов и человеческие останки, на которые, якобы, можно наткнуться в подвале их типового многоквартирного дома. Детская дворовая болтовня – слишком часто, на взгляд рационалиста Чистякова, пересказывает ее дома сын.

Растет лентяем, – вздыхал Семен, спускаясь по выщербленным ступеням вниз, в полумрак укрытого козырьком заглубления перед ржавой железной дверью. – Какие отговорки не выдаст, лишь бы не помочь по хозяйству! Так и уперся. И ведь до чего натурально изображает страх! Сам аж верит... Что же, у подростков бывает.

И все-таки Семен испытал какое-то неприятное чувство, когда услышал, что там, в конце подвального коридора, хлопнула дверь и в скважине проскрежетал ключ.

Особенного ничего не произошло. Кому-то еще потребовались картошка или соленья, или какой-то скарб. И человек, уходя, добросовестно запер вход, как это и подобает разумному совладельцу подсобного помещения. Нечего соблазнять бомжей вить грязные свои гнезда под кровными квартирами нашими! У Чистякова тоже есть ключ, естественно, и он им отперет изнутри, и он им точно также аккуратно затем закроет.

Ушедший погасил свет, но и это не создает проблемы. Семен имеет фонарик при себе, и этот фонарик, вроде бы, исправно работает.

Чистяков шел, внимательно глядя под ноги в конус плывущего перед ним света. Конечно, он остерегался не пауков. А просто эти пыльные коридоры, посещаемые не очень часто, могли таить в себе и реальные вполне опасности. Например, небрежно брошенный кем-нибудь ящик из-под чего-нибудь, о который можно легко споткнуться...

И вдруг перед глазами Семена явился... *круг*.

И Чистяков замер. И он невольно отступил на полшага, рассматривая это геометрически правильное начертание на земляном полу. Оно было с величайшей тщательностью выполнено у подножия теплых и толстых труб, которые здесь вырастали из пола, пыльные и белесые, покрытые неровно рабицей и грязным гипсом. Исполнив угловатый изгиб, могучие нелепые тела труб расходились в стороны параллельно бетонному потолку, питая многочисленные стояки отопительной сети дома.

Исток их занимал место, и потому здесь не было устроено секции. Но места оставалось достаточно, чтобы здесь, по левую сторону от прохода, расположился круг.

Он был не просто *очерчен*. Его границу означали маленькие разноцветные стеклышки, вероятно, мельчайшие осколки бутылочного стекла. Они были положены с удивительной точностью, словно бы по окружности, которую провел циркуль.

Стекло сверкало в луче... Внутри располагались различные мелкие предметы. Ржавый фонарик. И пластиковый дешевый пупс, у которого отсутствовали голова и нога. Блестела тускло связка ключей, а рядом – крысиный череп. А далее – как стойкий оловянный солдатик – чекушечка коньяку. Вся полная и даже не распечатанная...

И кое-что еще обнаружил Чистяков в этом стеклянном круге. И это показалось ему сначала обломком палки, воткнутым вертикально в землю. Но это была *свеча*. *Черная*. И наполовину оплывшая...

Какие-то и еще предметы виднелись в этом пространстве, замкнутом отблескивающими осколками. Но их мешала рассмотреть собственная их тень, темная и густая, вздрагивающая около, так что предметы напоминали пляшущих пауков.

Семену было известно, *что* это.

Ему рассказывал сын.

Капище Подвальника, вот что это такое было.

Вот именно эту заморочку Чистяков уж вовсе терпеть не мог. Ее-то он всегда и выщучивал всего злее.

Дети, которых посылают в подвал, – вещал сын, – в особом месте оставляют подарки *духу подвала*. Дабы его задобрить. А то ведь он очень злой, этот дух. Он может натравить пауков. Он может покалечить пришедшего в подвал – так просто, забавы ради. А то и вовсе убить. И дух подвала может сделать и еще хуже – и вот это есть самое, что ни на есть, страшное. Наведет морок – и ты заблудишься в коридорах... Ты позабудешь этот мир и себя и тогда ты... *выйдешь не там*.

Семен и не подумал расспрашивать тогда сына, что это за «не там». А только постарался поязвительнее произнести: «Ты будешь главным жрецом... городского язычества XXI века!»

И Чистяков не поверил, конечно, что существует Круг.

Теперь же он его *видел*.

Бывает, что ребенок блажит, – подумалось Чистякову. – Однако блажь, которая вдруг охватила *всех* детей в доме... С чего бы это?

Спокойно, – говорил он себе, старательно изобразив на лице скептическую улыбку. – Всему и всегда найдется рациональное объяснение!

Ну конечно: еще не так давно здесь, в подвале, пропала Юлечка. Такая милая конопушка из второго подъезда, с большими бантами. Ее послали для чего-то в подвал. Она – не вернулась. Милиция не нашла. Родители потеряли голову с горя, поперлись даже к экстрасенсу какому-то. Естественно – дохлый номер! Итак, вполне реальный и мерзкий случай (да мало ли сейчас выродков... маньяков?) дал почву страшному вымыслу.

А сын пожалуй не врал, – подумалось еще Чистякову, – что приношения Подвальнику совершают и некоторые взрослые. *Благоразумные*, как он выразился.

Семен фыркнул.

Ну до чего же народ...

Но тут его мысль прервалась.

Семен разгадал, внезапно, еще один из предметов, что были в Круге.

Велосипедный гудок.

Причем гудок именно от *его*, Чистякова, велосипеда. Импортного, любимого и дорогого (весьма!). Семен болел велоспортом столь же жестоко, как иные рыбалкой. Участвовал во всех любительских гонках, о каких только узнавал, и даже завоевал призы.

И вот однажды гудок исчез, а Семен подумал: не повезло, разболталось крепление и свалился где-нибудь по дороге. Так нет, оказывается! Гудочек снял *родной сын*... чтобы *принести в жертву духу подвала*, ...!

Семен выругался. И широко шагнул в Круг. И под его ногой что-то хрустнуло. (Пупс? или этот идиотский крысиный череп?) Семен подобрал гудок, показавшийся ему холодным и влажным, и положил в карман.

И в это же мгновение сквозняк – резкий и очень сильный – пронизал, как иглой, коридор.

Фонарик у Семена в руке мигнул. Хотя он был *электрический*, то есть никаким образом не мог реагировать на колебания воздуха. И у Чистякова вдруг всплыло в памяти, что говорил ему сын *еще* по поводу Круга. А именно: помещенные в Круг предметы ни в коем случае нельзя брать назад. Ни даже к ним прикасаться. И – *не переступать* Круг...

Непроизвольно Семен попятился и тогда пупс (или крысиный череп) вновь неприятно хрустнул. Но в следующий миг Чистяков смеялся. Какая глупость! Случайное совпадение, что лампочка подмигнула именно в тот момент, когда потянул сквозняк...

И совпадение, что волна холода прошла *тотчас, как только ты взял гудок?* – спросил какой-то вкрадчивый голос в голове у Семена.

Бред! – отозвался немедленно иной его голос внутренний, куда более решительный и твердый (или желающий таковым казаться). – Немедленно прекратить плесть фигню! Вот так и сходят с ума...

И все же Чистяков был взволнован. Тревожно стало ему и не мог он себе не признаться в том, что подземелие это действует угнетающе.

Эти загипсованные трубы в грязных разводах – как мертвые гигантские черви... Шевелящиеся платки паутины... И этот *воздух* – до чего ж он здесь затхлый! (Какой-то убивающий газ накапливается, писали где-то, в погребках и подвалах. Как там его, этот газ? Радон, кажется...)

Ко всему – возникшее вдруг идиотское неотвязное ощущение *взгляда в спину*.

А! что тут разбирать – надо побыстрее сматываться отсюда!

И Чистяков развернулся и поспешил к выходу. Едва заставив себя не перейти на постыдный бег.

Движение согрело его. И через какое-то время он оправился несколько. И даже попытался что-то насвистывать, да только получилось фальшиво. И все никак не отваливалось это впечатление: тьма – за его спиной – *особенная* какая-то теперь и она... *смотрит*.

Плевать, – уговаривал себя Чистяков. – Сейчас доберусь до двери и поверну в замке ключик, и...

И в этот миг он почувствовал, как у него на голове шевелятся волосы.

Он опустил руку свою в карман и он обнаружил... что *нету у него никакого ключа!*

Вся связка его ключей испарилась. Она исчезла! Уже отдавая в этом себе отчет, Семен продолжал перепроверять карманы: брюк – куртки – внутренний, в который положил гудок – брюк...

– Я просто выронил их, – лепетал Семен. – Где-то там... ну, рядом с этим дурацким Кругом! Наверное, наклонился за гудком, и тогда...

Необходимо вернуться и поискать, резонно подумал он.

И вздрогнул, потому что он вдруг с внезапной и абсолютной ясностью осознал, почувствовал словно кожей: *не надо*.

Совсем не надо.

Он будто вдруг догадался, что исполняет чужую волю, какой-то внушенный план, что подготавливает его, Семена, лютую гибель. (Как это все ни абсурдно, как это все ни смешно и глупо.) И наилучшее, что может он сейчас сделать, – так это со всех ног бежать к выходу, пусть даже и нет ключей! И затаиться у самой двери... Тогда – рано или поздно кто-нибудь обязательно спустится в подвал, дом большой...

Конечно же, рационалист Чистяков немедленно прогнал от себя эти мысли.

...Ключи нашлись почти сразу. Они лежали около самой границы круга, выложенного стекляшками, которые засверкали уже знакомо при приближении Чистякова в луче его фонаря.

Но почему-то удача эта скорее пугала Семена, нежели радовала.

Пока он возвращался сюда, его не отпускало такое чувство, что поиск предстоит ему долгий. И он заранее переживал елозание на четвереньках. И выпачканный костюм. И странное холодящее ощущение, что связка будто бы специально прячется от луча.

И что из окружающей темноты – смотрят...

А кроме этого были и еще мысли. Такие, что Чистяков запрещал себе даже *верить, что их подумал*. Вот он подходит, и обнаруживает вместо связки ключей змею, свернувшуюся клубком. Или откушенную кисть человеческой руки. Или...

Но вот же они, ключи!

Мирно ожидают его, отблескивая.

И только черная тень отплясывает около них канкан, потому что дрожит рука, сжимающая фонарик.

– Ну вот, все оно и кончилось, – прошептал Семен. – Теперь уж точно все это дерьмо скоро будет позади. Хватай ключи и топай себе на волю!

Самогипноз был не хитрый, но он помог. Семен был человек действия, и если ставил себе задачу – то сразу же и приступал к исполнению. Он не любил поговорки «семь раз отмерь...». Он шутил, что выдумали ее *скопцы*.

Он чувствовал в ладони прохладный металл ключей – уж теперь не выпущу! – и быстро шел вперед по подвальному коридору. А впереди метался, постепенно слабея, круг света от его фонаря.

Вдруг этот луч уперся будто во стену, которая перегородила знакомый путь к выходу.

Семену в первый миг показалось, что коридор подвала перекрыт полностью. И в это мгновение страхи, вроде бы побежденные, готовы были все вновь обступить его.

Но вскоре Чистяков понял: нет, это перед ним просто дверь, отворенная, одной из подвальных секций. Стоит открытою одна из ряда мелких каморок, наподобие той, какая принадлежит и его семье.

Однако почему это она вдруг оказалась распахнутой? Он дважды проходил здесь и видел: все двери были закрыты и, вроде бы, заперты на замок! Он перепутал направление и пошел не тем коридором? Но это почти невероятно... Или все же вернуться?

Но Чистякову не суждено было сделать ни того, ни другого.

Не стал он отправляться назад, но... он и не продолжал путь.

Он весь оцепенел вдруг и стал, как вкопанный, опасаясь и шевельнуться. Дыхание замерло у него в груди и его ладони покрылись холодным потом.

Что так его испугало?

Но этого Чистяков не мог объяснить себе!

И тем не менее он был готов присягнуть: что-то и еще переменялось в подвале – не только, что в коридоре, где лишь минуту назад не было замечено ничего живого, вдруг оказалась внезапно раскрыта дверь...

И наконец Чистяков осознал, что именно.

Иною сделалась *тишина* вокруг.

Мгновения лишь назад его обступала обыкновенная подвальная тишина, которая обитала всегда в этих переходах, сколь Семен помнил. Ватная и глухая. Не нарушаемая никакими

звуками, разве иногда только – шипеньем где-нибудь брызг, выбивающихся из текущего вентили.

А вот теперь звук *был*.

В кремешной тишине шел, пульсируя... некий *шелест*. Настолько тихий, что, хотя его и уловил слух, но этот сигнал даже поначалу и не прошел в сознание. Но сразу же сработал *инстинкт*. Темный страж, который заставляет все живое опасаться того, что ему неизвестно. Ведь шелест этот был какой-то... абсолютно *чужой*. Это был звук из тех, которым невозможно придумать никакого рационального объяснения исходя из окружающей обстановки. Поэтому сторожкий инстинкт скомандовал: стой! не двигайся.

И вот Семен стоял, вслушиваясь.

А звук усиливался.

А может, это Чистякову только казалось, будто усиливается, потому что звук забирал все больше его внимания.

И это был скорее даже не шелест, а... что-то наподобие стрекотанья швейной машинки. Древней, не электрической. С особенной такой широкой педалью, которую надо было качать ногами. Подобная антикварная машинка, «Зингер», была у бабушки Чистякова, давно покойной. Однако звук, идущий из распахнутой секции (да! именно оттуда) был много более мягок, тих и... более *ритмичен*. Как трели, которые издают кузнечики и сверчки. А также всякие вообще стрекочущие насекомые. (Вот этого мне только не хватало сейчас: думать о *насекомых*!)

А на земляном полу валялся замок, брошенный, посреди прохода.

– Совсем не тот коридор... перепутал... – шептал Семен, беззвучно, лишь одними губами. – Сейчас я повернусь и пойду отсюда. И возвращусь к перекрестку, чтобы сориентироваться.

Семен представил, как поворачивает назад.

И нечто, издающее звук, оказывается у него *заспиной*.

И Чистяков понял, что никогда не сделает этого. Потому что – чем более он прислушивался, тем меньше нравился ему этот звук. (Да какое это не стрекотание машинки! А это... это...)

И Чистяков совершил единственное, что сумел заставить себя свершить. Он тихо и осторожно пошел вперед, постаравшись держаться как можно дальше от отверстия двери.

И тут он ощутил еще *запах*. Станный. Как смесь машинного масла и сырого мяса... Мгновения вдруг сделались очень длинными, бесконечными. Две воли разрывали сознание Чистякова.

Ни в коем случае не смотреть в сторону черного провала.

Нет! – обязательно заглянуть, навести фонарик...

Второе из двух намерений объяснялось отнюдь не бравадой «человека без предрассудков». Подобные настроения давно не оставили и следа. Семен уже вообще почти что перестал отдавать себе отчет в своих действиях. И только кружила мысль... бессловесная, но передана она могла бы быть так: что это во мне? кренинизм лягушки, которую подмывает заглянуть в пасть змее? или, наоборот, голос инстинкта жизни – приказ и вопреки страху раздобыть информацию, какая может понадобиться, чтоб выжить?

Семен остановился... на подгибающихся ватных ногах... и слабый дрожащий луч развернулся в пространство секции.

Чистяков *увидел*.

Увидел все, что там было, совершенно отчетливо. Да только его сознание бастовало, отказываясь это воспринимать! Оно не желало сращивать фрагменты открывшегося во единое целое... И несколько секунд увиденное существовало для Чистякова словно головоломка, подобие картинки в детском журнале: «найди, где спрятался зайчик?»

Прежде всего вниманием завладело то, что в этой секции *двигалось*.

А это было некое подобие крючьев, двух, сходящихся и расходящихся в быстром темпе. Они были обращены вогнутостями друг к другу. С них что-то капало. Поверхность их была темной, но, влажная, она проблескивала в луче. Их ритм движения совпадал с ритмом звука – и резонно было предположить, что именно оно, их движение, порождает звук.

Над крючьями стояли *глаза*.

Круглые, неподвижные и словно бы даже какие-то простовато-наивные.

В сознании Чистякова вдруг высветились – мягко говоря, неуместно – *круглые очки Джона Леннона*. Кумира старшего брата Чистякова. Который – брат – и до сего еще времени носил тертую джинсу и длинные волосы, несмотря на откровенную лысину. Да, взгляд Леннона из-под очков был вспомнен абсолютно не к месту. Потому что на Чистякова смотрели сейчас *нечеловеческие* глаза.

Они смотрели из чего-то кустистого, словно мох. (Шерсть? но какая странная...) И рядом в этом кустистом располагались *еще* глаза – три пары, гораздо меньшего размера – и в каждом трепетала синхронно яркая точка: отражение лампочки фонаря, трясущегося в руке.

Подвальная секция была набита всяческим хламом, как это и полагается по чину подвальной секции. Но было в этой картине кое-что необычное. А именно: пыльный хаос вещей делился, ровно и аккуратно, на восемь секторов. Причем делила его сложная и дрожащая мохнатая тень, отбрасываемая фонарем.

Тень... *от растопыренных восьми ног огромного паука!*

Головоломка сложилась. Ритмично движущиеся крючья были его жвалами (*хелищерами* – выдала совершенно ненужное сейчас уточнение память). А позади во тьме угадывалось и тулово, пульсирующее в ленивом, сонном, не зависящем от челюстей ритме...

Такого *не могло* быть.

Но *было*.

На Чистякова смотрел из каморки в четыре пары глаз паук невообразимого, немыслимого размера. Размах его лап был больше, чем Семен мог бы развести руки.

И вдруг в подвале, в этой стрекочущей тишине, прошел голос:

– ПОДОБНО ЭТОМУ И В ДУШЕ. ДОСТАТОЧНО ПОЖИТЬ СКОЛЬКО-ТО, И В ДУШЕ НАКАПЛИВАЕТСЯ ДОВОЛЬНО НЕПРОЛАЗНОГО ХЛАМА. И В ЭТОМ ХЛАМЕ ЗАВОДИТСЯ...

Но Чистяков не обратил никакого внимания на этот голос.

И даже не подумал классифицировать его как-либо: как слуховую галлюцинацию, например.

Потому что он способен был в этот миг думать об одном только. Про вероятное свое ближайшее будущее. Вот эти лапы собираются к тулову, образуя собой пружину. Пружина распрямляется и монстр прыгает на Семена сквозь открытую дверь! И жвалы, полные яда, смыкаются, пробив грудь. И останавливается в ней сердце...

Чистяков закричал.

Глухое эхо подвала повторило нечленораздельный вопль.

И одновременно рука Семена, выронившая фонарик, молниеносно вслепую нащупала дверь каморки и захлопнула ее с громким стуком. И Чистяков развернулся спиной к двери и, упираясь в нее, сполз по ней. И пальцы его забегали по земляному полу, сами как пауки, на шаривая навесной замок.

И пальцам повезло. Они наткнулись на холодную сталь, и ключ не выпал из скважины, и дужка соблаговолила войти в пазы. И вот наконец Семен поворачивает ключ, запирая весь ужас там, *по ту сторону*. Оказывается отделенным от него... пусть даже только ненадежной дощатой дверкою, но, все-таки, отделенным. И отступает, и прислоняется к бетонной стене подвала и... *выдыхает*.

Вся эта *вечность*, оказывается, заняла не более времени, чем есть его меж вдохом и выдохом!

Мне просто это все *померещилось*, – трепетал Семен. – Так бывает, если направить вдруг луч яркого света на скопившийся во тьме хлам. Чего только не покажется! Тем более если хлам – чужой, которого тебе и видеть-то не положено. Странно, что не обнаружился там целый дракон, или обительница Лох-Несс! А на самом деле бояться нечего. Всего-то окостенелый бред, который человек продолжает тянуть за собой по жизни, боясь признаться и самому себе, что скarb этот ни на что уже не сгодится! Старье за перегородкою безопасно... и не способно причинить никакого зла, и...

Но тут еще один вопль вырвался из горла Семена, породив издевательское эхо.

Запертая на замок дверь дрожала, ходила ходуном и лязгал замок о дужки, и ударял глухо в дерево.

То арестованный ужас не желал примириться со своим заключением и рвался из всех сил наружу. Мертворожденное чуяло сквозь разделяющую перегородку живую кровь. И прилагало всю мощь членистых своих лап, чтобы дорваться и впиться! И ощутить на миг свое причастие к живой жизни... убивая живую жизнь.

Чистяков не помнил, как он оказался у выхода из подвала. То есть у запертой двери, которая преграждала выход.

Он судорожно скрежетал ключом о железо, пытаясь угадать скважину... Как это связка вообще оставалась еще у него в руке? Ведь просто невероятно, чтобы Семен ее не обронил в предшествующие мгновения! И он бы обязательно об этом задумался, надо полагать... если бы в состоянии был сейчас думать вообще хоть о чем-либо.

Яростный лязг неся из пустоты за его спиной. Паук рвался...

И вдруг оно получилось у Чистякова. Его мятущийся ключ *попал*. И прогремел уже в замке один его избавительный оборот, второй...

– Я БЫ НЕ СОВЕТОВАЛ ВАМ СПЕШИТЬ.

Тот же голос!

Теперь Семен обратил на него внимание и, более того, вздрогнул, как от удара током.

И так же, как оно бывает в результате удара тока, Семена *парализовало*. «Распахивай скорее дверь и беги!» – колотилось в его сознании. Но билось как-то отдаленно и тускло – бабочкой по ту сторону стекла – как нечто совершенно уж *безнадежное*, не стоящее внимания. Семен был *загипнотизирован* голосом. Он оборачивался, потому что осознавал, что *все равно* не сможет не обернуться.

И прямо позади него, в трех шагах, в пыльном и мутном луче маленького окошка... стоял Подвальник.

Семен и не попробовал сомневаться, не есть ли то кто иной. Сосед по дому, случившийся здесь ремонтник, забредший бомж... Потому что внешний вид существа, которое порекомендовало Семену не спешить, был... здесь более всего подходит определение *однозначен*.

Это существо не имело кожи.

Ее заменяло некое подобие грязноватого гипса, наложенного небрежно, так что через его слой просвечивало местами мясо. То были мертвые, иссиня-серые мышцы и сухожилия...

– ТЫ ОТЫСКАЛ *НЕ СВОИ* КЛЮЧИ, – продолжило существо. – КОТОРЫЕ ТЫ ДЕРЖИШЬ В РУКЕ – МОИ, ТЫ ИХ У МЕНЯ УКРАЛ. ТЫ МОЖЕШЬ ИМИ ОТКРЫТЬ ЛИШЬ ОДНУ ЕДИНСТВЕННУЮ ДВЕРЬ: ПУТЬ В *БОЛЕЕ ГЛУБОКИЙ* ПОДВАЛ. ТЫ МНЕ ПОНРАВИЛСЯ ЧЕМ-ТО, И Я ОТКРОЮ ТАЙНУ ТЕБЕ: ИЗ ВСЯКОГО ПОДВАЛА – КРОМЕ *ПОСЛЕДНЕГО* – СУЩЕСТВУЕТ *ДВЕРЬ В ЕЩЕ БОЛЕЕ ГЛУБОКИЙ ПОДВАЛ*. И ТЫ СТОИШЬ НА ПОРОГЕ.

Но Чистяков не особенно вслушивался, что говорит чудовище.

Первые секунды он балансировал на пороге обморока, на той грани, за которой утрачивается сознание. Но Чистяков понимал: теперь вот лишиться чувств – это будет верная смерть. И героическим усилием инстинкт самосохранения одержал верх: заставил Чистякова *принять* ее – эту новую, невозможную, *адскую* реальность. Чтобы суметь как-то действовать, как-то противостоять обрушившемуся на него кошмару.

Итак, они существуют, – вычислял ум Семена с мертвенным хладнокровием, которое наитствует, иногда, стоящих у последней черты. – Не так уж это и удивительно. Эти сказки, что повторяются у народа из века в век – ведь не даром же! Леший, Водяной, Домовой... Банник и Овинник... еще кто там? Особенности странные формы жизни, которые ограничены *территорией*. Домовой добр, считается. А вот Овинник и Банник злы, а то и жестоки. Но что у всех у них общего? Общее у них то, что ни один из них не способен действовать за пределами того места, по имени которого он и назван! Потому что соответствующая территория представляет весь его мир. Возможно, что и вселенная *человека* для каких-то иных существ – это лишь ограниченный закуток незначительного размера! (И вспомнился тогда Достоевский: а может, эта самая Вечность – это всего-то лишь какая-нибудь закопченная баня с пауками по углам!) А если это так, значит – и для Подвальника мир есть только его подвал. И за пределом подвала для него просто «ничего нет» и там я для него буду недостижим! Поэтому сейчас он и заговаривает мне зубы.

Все эти мысли промелькнули в сознании Чистякова быстрее, чем за секунду. Потому сразу же, как только отзвучали слова Подвальника, Чистяков развернулся и ударил корпусом в дверь. И вылетел через ее проем на ту сторону.

Семен уже представлял себе, как он взбегаёт по щербатым ступеням и видит солнце.

Но вывернулось иное. Машиной из-за угла, несущейся на безнадежной смертельной скорости.

Семен, вылетевший сквозь проем – падал.

Цементный пол, который был обязан существовать по наружную сторону подвальной двери, отсутствовал. Была бездна. Как если бы Чистяков сорвался безлунной ночью со скалы в пропасть. И невозможно было понять, и не из чего было определить, сколь долго будет продолжаться это падение...

Но длилось это лишь миг. Безумный, растянувшийся в какую-то искусственную безмерность, как эластический бинт. Внезапно под ногами откуда-то сама собою взялась опора. И даже Чистяков на нее не рухнул, а устоял на ногах, качнувшись. И он увидел, что непроницаемой этой тьмы вокруг больше нет, и что у него под ногами – *земляной пол*.

Неужто *снова подвал?! – похоронным ударом колокола раскатилось в его сознании.*

– ДА! НО ЭТО – *ДРУГОЙ ПОДВАЛ!* – как будто выстрелил в спину, между лопаток, знакомый голос. – *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВНИЗ!.. НЕ УГОДНО ЛИ ОСМОТРЕТЬСЯ, ГОСПОДИН ЧИСТЯКОВ? НЕ СТЕСНЯЙТЕСЬ. БУДЬТЕ КАК ДОМА!*

И Чистяков осмотрелся.

Действительно, вокруг был *подвал... Н* о только по масштабу он больше напоминал станцию метро! В сумраке, в пыльном и больном свете где-то высоко лишь едва *угадывался* потолок. Бетонные перекрытия раскрошились и они обнажили, местами, ржавые арматурные стержни, которые не уступали по диаметру стволам корабельных пушек. Повсюду колыхались пропыленные сети. В их центре неподвижно сидели, а кое-где торопливо двигались, пауки – такие же по размеру, как тот, которого Семен закрыл *наверху (вином измерения?!)* в секции.

Но только здесь размер этих тварей прекрасно вписывался в окружающие масштабы!

А секции имелись и здесь.

Но вместо номеров на них зияли каббалистические значки.

– МОЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ, – гремел между тем Подвальник. И голос повторяло резкое эхо. – *ЛЮБУЙТЕСЬ, ПОКА ВЫ ЖИВЫ, ГОСПОДИН ЧИСТЯКОВ!*

И вдруг одна из гигантских дверей исчезла. Семен увидел за ней пространство, заставленное все плотно двухъярусными койками. По своему размеру каждая из этих конструкции напоминала больше каркас, что возвели для строительства двухэтажного дома. Кроме чудовищных железных кроватей с облупившейся краской в открывшемся пространстве находились еще и...

Люди?

Эти существа были похожи на людей, но – если бы не их *рост*. (Как минимум под шесть метров!..) И существа эти сосредоточенно занимались чем-то. И Чистяков, когда немного освоился с чудовищною представшей пред ним картины, понял, чем именно. Трое гигантов методически избивали четвертого, одетого точно в такую черную робу, как они все. И связанного, как показалось это Семену, какими-то грязными и кровавыми белыми полотнищами...

Внезапно Чистяков почувствовал холод. Такой, как если б весь его позвоночник покрылся инеем. Он представил: сейчас чудовища обернутся и – сквозь проем – они увидят *его*. И тогда они...

Но дверь вернулась на место, словно бы за один миг соткавшись из воздуха.

И в это же мгновение на Семена обрушился громовой голос:

– *КАРТИНА СЛЕДУЮЩАЯ!*

На этот раз пропала из бытия дверь с другой стороны прохода. За ней открылось нагромождение фанерных ящиков – каждый величиною, пожалуй, с деревенскую баньку. Все ящики были окрашены в одинаковый салатный цвет, поцарапаны, и выделялись на боках у них кое-где белые бледные трафаретные номера.

И посреди этих ящиков, безвольно привалившись к ним спинами, сидели неподвижно тоже гиганты. Они были облачены в камуфляж и крайне истощены, как это сразу же отметил Семен. И были они какие-то...

Они тяжело больны? Похоже, что они едва отдают себе отчет в своих действиях! Они же совершенно не владеют собой!

И тем страшней Чистякову было видеть у них *оружие*. Лежащее на коленях или валяющееся небрежно около, повешенное на перекрученные ремни... Какой-то ствол оказался случайно повернут в сторону Чистякова и напоминал жерло гаубицы.

Беспомощные циклопы предавали иногда что-то друг другу двумя руками. Движения их были неуверенными и медленными. И получивший тогда прикинул к ладоням, сложенным лодочкой, и делал глубокий вдох. И через какое-то время он передавал дальше...

Дверь возвратилась на место.

– ТЕПЕРЬ ЖЕ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВАС!

И освободился третий проем.

На этот раз уже совсем близко от Чистякова, непосредственно по правую его руку. Поэтому обзор был великолепен. Однако Чистякова это не радовало... отнюдь не радовало!

Он видел очень странное существо, медленно приближающееся к нему. Крадущееся. Идущее по какому-то, как это показалось Чистякову вначале, высокому и геометрически правильному карнизу.

И это существо было белое и пушистое. И оно было... жутким.

Оно напоминало саблезубого тигра, но, впрочем, скорее всего и этот ископаемый гигант показался бы рядом с ним лишь *тигренок*. Единственное, кроме этого, существенное отличие состояло в том, что мощные изогнутые клыки не высовывались из чуть приоткрытой пасти. (А если бы эти сабли у него были – и соответствовали бы масштабу – то наводили бы скорее на мысль о бивнях слона!)

Холодные голубые глаза сей твари, с вертикальными в них зрачками, буквально впились в Семена. И пригвоздили к месту. И видно было, как неумно и быстро разгорается в них искра охотничьего азарта!..

Смерть, – ударило беззвучно в сознании Чистякова. И примешалась вдруг еще какая-то полумысль... очень странная: а ведь это все каким-то образом уже *знакомо* ему – все, что он видит в секции.

И белый кошмарный тигр, готовящийся вот сейчас прыгнуть. И этот цвета дубового дерева карниз, напоминающий больше... гигантский письменный стол, если на него смотреть, стоя у подножия его. И – там, дальше – раскидистые листья на фоне чуть запотевшего стекла, как будто пальма в теплице...

А дальше Чистяков сделал то, чего от себя не ждал.

Он повернулся вдруг и пошел в гигантский проем.

Он ощутил какое-то мимолетное слабое сопротивление, пересекая границу. Как будто бы касанье паутины к лицу.

Возможно, это дверь секции в этот миг уже вновь рождалась из небытия – начинала *занимать место*. То есть – Чистяков успел в последний момент. Подвальник же *опоздал*. И поэтому...

Семен еще не смел верить. Еще осматривался судорожно и с нестойкой робкой улыбкой. Но то был неоспоримый факт: Чистяков стоял посреди любимой комнаты своей собственной квартиры.

Пушистый Барсик оторопел, было, от внезапной материализации хозяина.

Но тем не менее проделал насущное: незамедлительно спрыгнул с письменного стола, резвиться на котором ему хозяином строго-настрога воспрещалось, и попытался тихо и покайно проскользнуть мимо прочь на полусогнутых лапках.

Но Чистяков поймал Барсика. И поднял осторожно двумя руками на уровень своих глаз, в которых блестели слезы. И принялся целовать мордочку, ошалело отвертывающуюся, потому что такого обращения кот никогда не знал.

И Барсик начал неуверенно выбиваться, и Чистяков его уронил и забыл о нем.

– Я сделал *невероятное*, – беззвучно произнес он вздрагивающими губами. – Я вытянул счастливый билетик в безвыигрышной дьявольской лотерее! Вернулся в свой родной мир. И – что самое главное – *не в подвал*, куда уже я теперь, умереть мне на этом месте, не сделаю никогда ни шагу! А *здесь* Подвальник не достанет меня! Здесь вот, у себя дома, я нахожусь в пространстве, которого для Подвальника *просто нет*...

– А *ты!* – в победном торжестве ощерился Чистяков. – Как ты кусаешь сейчас, наверное, грязные свои покрытые гипсом локти! Решил со мной позабавиться? Ты думал поиграть со мною, как кошка с мышью? Ну вот и *проиграл*,! Знай же наших!.. Придется тебе поискать игрушку более глупую или менее решительную. А я усядусь сейчас в мое любимое старое удобное кресло – со стопочкою «Греми»!

И Чистяков повернулся, улыбаясь умиротворенно-блаженно. И...

Волосы у него на голове стали дыбом. И мертворожденный крик застрял в горле.

В любимом старом удобном кресле... сидел Подвальник.

– Ты... ты *не можешь* быть здесь!!! – отчаянно прохрипел Чистяков. – Твой мир – это лишь *подвал*!

– А **ЗДЕСЬ И ЕСТЬ «ЛИШЬ ПОДВАЛ»**, – предупредительно-насмешливо отвечал Подвальник. И крошки гипсоподобной субстанции осыпались с его лицевых мышц на скрещенные бедра с обнажившимися кой-где костями, напоминающими ржавую арматуру, и с них – на яркий ковер. – **ВЕДЬ ВЫ ИЗВОЛИТЕ БЕЗВЫЛАЗНО ПРЕБЫВАТЬ В ПОДВАЛЕ, ГОСПОДИН ЧИСТЯКОВ! ИЛИ ЖЕ, ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ИНЫМИ СЛОВАМИ, ВЫ ОБРЕТАЕТЕСЬ НА ВЕСЬМА НИЗКОМ УРОВНЕ ОСОЗНАНИЯ БЫТИЯ. ВЫ МОЖЕТИ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ ХОТЬ В НЕБОСКРЕБ, НА САМЫЙ ВЕРХНИЙ ЭТАЖ, И ВСЕ РАВНО ВАМ И ТАМ ОТ МЕНЯ НЕ СПРЯТАТЬСЯ. ПОТОМУ ЧТО ВАМ НЕ УЙТИ ОТ СОБСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ – НЕ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ПОДВАЛА ВЗГЛЯДОВ, ЛИШЕННЫХ ВЕРТИКАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ. ВЫ ПОЛНОСТЬЮ В МОЕЙ ВЛАСТИ. ВЕДЬ Я – ЭТО ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ВАШЕГО КРУГОЗОРА. ПОЭТОМУ Я ВСЕГДА БУДУ ДЕЛАТЬ С ВАМИ, ЧТО ЗАХОЧУ. КАК, ВПРОЧЕМ, ДЕЛАЛ И ПОСТОЯННО РАНЬШЕ, А ВЫ И НЕ ЗАМЕЧАЛИ ЭТОГО!**

И страх вдруг отпустил Чистякова. Подобно как мелкий хищник вдруг разжимает когти, оставляя добычу, заметив приближение хищника более крупного, на нее позарившегося. Страх отошел потому, что на сердце Чистякова Семена наложило теперь свою костяную лапу – *отчаяние*.

И сделалось его сердце тогда как будто абсолютно пустым. И только разум его все еще по инерции кружил, словно водоворот пустоты, какие-то случайные обломки, осколки мыслей.

Уровни бытия...

Оказывается оно имеет уровни, бытие...

Подвал не равен себе. Подвал – уровень...

И некуда убежать, и всюду я в его власти...

Но так ли это? Да, так, ведь вот же он сидит здесь, прямо передо мной, следовательно – так. Мой господин... а я раб, его забава, его игрушка...

Но, ЕСЛИ это все действительно так...

Тогда внезапно мысль-молния – негаснущая и ослепительная – вдруг осветила всю пустоту Семена от востока ее до запада. И мысль эта была:

...то – СВЯТАЯ ВОДА... ПОМОЖЕТ.

А прежде ни в какую святую воду Семен не верил.

Ведь бытие представлялось ему совершенно плоским, не имеющим уровней. Вода это всегда лишь вода, считал он, какой бы эпитет ни добавляли к названию этой жидкости религиозно настроенные субъекты. Семен являл собой тип законченного реалиста, прагматика. Но вот законченным дураком он не был. И если только что ему на собственной шкуре пришлось почувствовать, что может быть подвал это не всегда лишь подвал...

Святая вода была в доме. Всегда. Потому что Чистякову повезло в жизни: он повстречал человека, который мог позаботиться, чтобы не оставался без воды его кров. И эта женщина стала его женой и матерью его сына. И регулярно приносила воду домой из храма. И только тихая улыбка появлялась на ее лице в ответ на иронические упражнения мужа по поводу «бабьего суеверия».

Но пузырек со святой водой находился на туалетном столике около постели жены, в их спальне. А чтобы туда добраться, требовалось пройти мимо кресла, в котором сидел Подвальник...

И вдруг у Чистякова глаза раскрылись необычайно широко.

Ведь кресло было *пустым!*

Вот только что его занимал собою кошмарный гость – и он сгинул! Подвальник расточился как дым, истаял в одно мгновение, словно его и не было.

Неужели, – подумал потрясенно Семен, – так действует на всякую нечисть одна лишь *мысль* человеческая о святой воде?

Но нет, он вроде бы о таком ничего не слышал. Водю нужно *кропить*...

Так почему же тогда Подвальник все-таки оказался немедленно выметенным, как сор? Почему же?

Внезапно Чистяков – понял.

И он совершил тогда, неумело, крестное знамение.

Быть может – первый раз в жизни.

Кошмарный монстр сгинул... да просто потому, что жилище Семена *перестало быть его территорией!* Потому что распался, как узкий обруч, тот кругозор, олицетворением которого служил этот мелкий и недружелюбный божок. И в том Подвале подвалов, в этом пространстве отчаяния, где побывал Чистяков, исчезла в это мгновение соответствующая дверь.

Так с момента, – с надеждою и крепнувшей верой спрашивал себя Чистяков, – когда в мою душу явилась мысль о святой воде, с этого момента в ней... появилось и *вертикальное измерение?* Я понял кое-что об уровнях бытия и...

Я перестал жить в подвале.

2002

Начало опыта

Вы спите. И вот внезапно охватывает вас ужас. Не то, чтобы его породило какое-либо из сновидений ваших. Напротив, это начинает чувствоваться угроза, пришедшая *извне* сна. И сновидения закручиваются вихрем кривляющихся кошмаров.

Такое может произойти, к примеру, если занимается пожар в подвале вашего дома. Вы крепко спите... но все же некий древний инстинкт подсказывает, что именно означает этот легчайший и раздражающий, тем не менее, запах гари. И вот они ведут спор: инстинкт и ваш здравый смысл. Последний властен у современного человека даже во сне – так нас выдрессировали.

И спор этот накаляется, но стороны не способны прийти к решению. А морок, между тем, длится. И близится неумолимо тот миг, когда пути к отступлению будут, уже, отрезаны...

Возможно испытать и гораздо более сильный ужас во время сна. Представьте, что окно вашей спальни взломано. И это сделано профессионально, то есть не заметно со стороны и тихо. Настолько тихо, что вы и не подумали просыпаться, ибо ничего не услышали.

И вот у вашего ложа стоит грабитель. Вы продолжаете спать, но какой-то частью души вы это все равно знаете. Есть тонкая грань сознания, которая всегда бодрствует. И вот она вам свидетельствует... она кричит об опасности! И вы бы обязательно пробудились... если бы привыкли обращать внимание на этот крик.

Но современный грабитель-взломщик имеет дело как раз с такими, которые *не* привыкли. И вот он размышляет, неспешно, что в смысле его «работы» сейчас целесообразнее: просто перерезать вам горло или договориться, что вы позволите крепко себя связать, и заткнуть вам рот?

Но ужас, охвативший тяжелыми ледяными щупальцами душу Максима Елагина, спавшего на роскошном ложе, был много, много сильнее.

Он был *непереносим*. И тщетной была родившаяся надежда, что, как только его сознание сможет пробиться в явь – страх исчезнет. Максим еще не проснулся, но сумел вспомнить: подобного теперь не случается. Кошмары исчезали по пробуждении только раньше, в нормальной жизни.

Но эта жизнь уже давно как отошла для Максима словно бы в глубокое прошлое, сделалась нереальной.

Теперь единственный и самовластный кошмар обитал вот здесь. В *чертогах*, как именовал Максим это фантастическое причудливое вместилище (или все же – пространство?).

Он оказался здесь в результате идиотского безрассудства. В *чертогах*... абсолютно реально существовало многое из того, что может разве только нарисоваться в мечтах о какой-то необычайной, феерической жизни. В *чертогах* не было, кажется, только лишь одного.

Выхода.

Сон исчез.

А безудержный страх нарастал, как если бы Максиму было известно совершенно точно: нечто невообразимо жуткое совершится вот сейчас с ним, с минуты на минуту!

Или происходит уже теперь, но с кем-то другим. Рядом, вот за этой стеной, отделанной панелями дорогого резного дерева.

Из-за стены не доносилось ни звука.

И ничего – пока – не изменялось тут, в комнате.

Но тем не менее ужас прибывал, ощутимо, словно вода, рвущаяся из открытых кингстонов тонущего на глубине судна!

Еще недавно в подобные отчаянные минуты Елагин вскакивал и метался по просторному помещению. Искал несуществующий выход. Искал оружие...

Теперь он хорошо понимал, что это бессмысленно. У него было достаточно времени, чтобы убедиться: в *чертогах* нет ничего, что можно было бы использовать как средство самозащиты.

От изукрашенных резьбой стульев не удавалось отломать ножку. Изящный графин с вином, размерами куда больше напоминавший амфору, был прозрачен, его материалом служил, по видимости, хрусталь, но это был какой-то такой хрусталь, который нельзя разбить.

Сжимаясь в нервный комок, Елагин обегал комнату напряженным взглядом. Он был не в состоянии расслабиться, хотя и хорошо знал из опыта: в эти периоды сводящего с ума страха не появляется ничего реально опасного.

И не от кого защищать ни себя, ни женщину, имя которой не было известно ему до сих пор, хотя она разделяла с ним заключение его здесь долгое уже время.

Или это ему так казалось, что долгое. На смену времени суток в *чертогах* не указывало ничто.

Разбуженная половодием страха – раньше, чем он – она сидела выпрямившись напротив него на широком ложе.

Ее дыхание сбилось. Темные соски вздрагивали на колышущейся груди. Слезы не текли теперь из раскосых глаз, но тонкие пальцы рук, сцепленные, побелели меж инстинктивно скрепленными по-восточному голеньями.

Японка? Китайка? Жительница Тибета?

Елагин не силен был в антропологии. Не знал он также иностранные языки (разве только английский – поверхностно), но это знание мало бы помогло ему. Потому что женщина предпочитала молчать. Он слышал от нее лишь рыдания. Иногда, в периоды случайного и хрупкого забытья – тихий, печальный смех. И только уж совсем редко, сквозь сон, до слуха долетали гортанные восклицания, жалующиеся, приглушенные. Какие-то неведомые слова, звучавшие словно внезапное и несильное касание струны музыкального инструмента.

Особенные некие *струны*, кстати, были здесь где-то рядом.

Невидимые, они как будто бы стерегли всякое утешение их сердец.

Таинственные эти источники музыки никогда не спали. Вот и теперь в воздухе уже текла, разливаясь и нарастая, причудливая мелодия, сделавшаяся привычной для Максима и женщины. Неуловимо и гибко переменяющаяся на разные лады. И словно бы она обволакивала и останавливала любую мысль, укачивая в коконе звуков...

Дыхание непроизвольно выравнивалось. Елагин видел: женщину переставала бить дрожь.

Багровая глухая портьера, скрывающая окно, огромное, типа венецианского, пошла в стороны.

И сделалась видна широкая терраса балкона, выступившая далеко в текучий, сплошной туман. И где-то за его клубящейся пеленой, по видимому, светило солнце.

По-видимому. Все это представляло собою безукоризненное *изображение* первых лучей рассвета.

Но только вот Елагину не случалось еще заметить, чтобы они *менялись* – эта непроницаемая, движущаяся однообразно дымка и это слабое, как будто бы нарастающее, а на самом деле не изменяющее свою интенсивность за ней свечение.

Косая клонящаяся тень проступила и побежала, все более укрупняясь, в белом. Откуда-то из-за текучей медленной пелены опускался мост.

Стукнув, его опоры установились в пазы балкона. И в этот самый момент разбежались створки окна – стремительно и бесшумно. И ветер заиграл в комнате...

Елагин развернулся ему навстречу. Он был приятен после сгустившейся духоты – чистый, интенсивный ток воздуха. Он приходил по мосту, который представлял собой, собственно, прозрачный опускающийся рукав, крытый переход.

А если никакого балкона и подъемного моста – вовсе нет? А все это лишь загримированный под архаику ВЕНТИЛЯЦИОННЫЙ КОЛОДЕЦ? А звук стыковки с балконом, клубы невесомого пара, тень, движущаяся в пустоте – ДЕКОРАЦИЯ?

Но эта неожиданная мысль вспыхнула и погасла, затрепетав – зыбкая, какими в этой невероятной комнате оказывались *все* мысли.

Прохладный ветер набегал волнами. Пронизавшее туман пространство прозрачного рукава манило светом в конце – лучом, ясным и отбрасывающим четкие тени. И обещающим волю.

Максим не удержался и побежал. Порывы встречного ветра ласкали тело (в *чертогах* не было никакой одежды и ничего, чем оказалось возможно бы заменить ее).

Он замер перед гранитной стеною. Коридор кончился. Поток ярчайшего солнца рушился на Елагина откуда-то сверху. Стена перед его глазами была испещрена извивающимися трещинами, неровная. Она напоминала на вид и ошупь естественную скалу.

Что-то новое. Последний раз тут была массивная крепостная кладка. И лестница. Вереочная, кольцищающаяся под ветром... Играть в ИХ игры? Вот сяду здесь и сейчас около этого треснувшего гранита (или что он такое на самом деле) – и... И РАЗОРВУ СЕБЕ ГОРЛО.

Но также и *эта* мысль мелькнула и канула, позабывшись. Елагин уже лез вверх, и пальцы его рук и ног нащупывали легко удобные выемки...

Скала кончилась.

Полуденное жаркое солнце сияло в небе. Бескрайнее гречишное поле простиралось до самого горизонта.

Этого ничего нет... Неправда... Очередной мираж!

Елагин одиноко стоял на гребне стены, сложенной из бетонных блоков, идущей по краю поля. В далекой и жаркой дымке гудела автодорога. Бегущие машины казались быстро перемещающимися цветными точками. Проблескивало иногда на солнце ветровое стекло.

Обман! Здесь привыкаешь не верить своим глазам. Но ведь все-таки... может быть это ОНИ нас, наконец, действительно отпускают? Ведь могут быть и у НИХ капризы?! Я же НИЧЕГО НЕ ТЕРЯЮ! А если повернусь и уйду обратно – мне будет постоянно думаться потом, что...

И Елагин прыгнул.

Небесная сияющая синева сменилась на мгновение плоской тьмой.

Затем Елагин ощутил зыбкое объятие воды и услышал падение в нее брызг, поднятых его телом. Приглушенное освещение бассейна казалось сумраком после ослепительного дневного света.

Женщина уже была здесь. Коротко взглянув на Елагина, она отвернулась в профиль и продолжала ополаскивать пенящейся слегка водой грудь и бедра. Она попала сюда, разумеется, не как он. Просто миновала круглую дверь – особенного устройства, напоминающую морскую раковину, – которая вела сюда из просторной комнаты. (По коридору-мосту она бежала всего лишь раз. И с той поры этот путь, обманчиво обещающий освобождение, как будто бы и вовсе перестал существовать для нее.)

Женщина присела и окунулась; встала...

Геометрически правильные пересекающиеся линии на ее спине приковали взгляд, хотя Елагин видел их уже столько раз, что мог бы нарисовать по памяти. Сплетенье двух треугольников и квадрата, странные многоточия по краям... Все вместе напоминало размашистую цветную татуировку, исполненную компьютером.

Когда Елагин увидел этот узор в первый раз, он подумал, что это, надо полагать, какие-то сакральные знаки культа на ее родине. Но понял, что он ошибся, когда его взгляд упал, однажды, на отражение собственной спины в зеркальной стене бассейна. Тогда он вздрогнул. Поскольку понял, что и его тело помечено теперь почти такой же гипнотизирующей симметричной фигурой. Однако ее цвета и «многоточия» отличались...

Что это? МАРКИРОВКА?

Хрустальный мелодичный звон долетел из комнаты.

Женщина перестала плескаться и она медленно, не спеша, направилась к пологому краю. Как выбралась из воды, она вновь коротко оглянулась и встретила с Максимом глазами. И сразу же исчезла за дверью-раковиной.

И тогда свет, неяркий и без того, уменьшился. Течение в бассейне сделалось чуть сильнее. Неуловимо изменилось и еще что-то – будто бы восприятие окружающего становилось нечетким, зыбким...

ОНИ подмешивают к воде и воздуху дурманящие составы?

Не сознавая, что делает, а просто повинувшись уже сложившейся здесь привычке Елагин тоже побрел на звон.

Массивная искрящаяся гранями резного хрусталя амфора отблескивала теперь вся алым. Она представляла собой совершенно глухой сосуд на кланяющейся подставке, высотой почти что в человеческий рост. Маленькое отверстие ближе к верхнему краю появлялось только в том случае, если амфору наклоняли. Сейчас она стояла наполненная вином доверху, о чем и возвещал звон.

Каким же образом в ней восполняется содержимое? И что оно собой представляет? Похоже, это не простое вино. Или, лучше будет сказать, не только вино. А это еще и хлеб. Потому что каким-то образом этот напиток удовлетворяет и голод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.